А. Ю. Жигалов

ЛЕГЕНДА ОБ АПОСТОЛЕ АНДРЕЕ В ТРУДАХ А. Д. СЕДЕЛЬНИКОВА

Имя **Александра Дионисьевича Седельникова** (1888—1934) полузабыто сегодня... «Талантливый, но рано умерший исследователь», — писал о нём Д. С. Лихачёв[1]. «Был весь погружён в древние рукописи», — вспоминал коллегу славист П. С. Кузнецов[2].

Седельников родился в Иркутске, в 1915 году окончил историко-филологический факультет Московского университета, а спустя пять лет начал работать в отделе рукописей Государственного исторического музея, целиком посвятив себя любимому делу — изучению древнерусской литературы.

Талант его был, действительно, многогранен: он анализировал «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Задонщину», древнейшие летописи и памятники XV—XVI веков, исследовал католическое влияние в Новгороде и деятельность доминиканцев на Руси, писал о стригольниках, занимался проблемами методологии в медиевистике и т. д.

Учёный сотрудничал со многими славистическими журналами, как отечественными, так и зарубежными, в том числе — с чехословацкими «Славией» и «Византинославикой», выходившими в Праге и являвшимися главной трибуной для русских филологов-эмигрантов.

В 1924 году на страницах журнала “Slavia” («Славия») была опубликована статья А. Д. Седельникова «Древняя кіевская легенда объ апостолѣ Андреѣ»[3], посвящённая известному сказанию о посещении Руси Андреем Первозванным: генезису этого рас-

---

[1] *Лихачёв Д. С.* Текстология. СПб., 2001. С. 51.

[2] Полная характеристика, данная П. С. Кузнецовым, такова: «Человеком совсем не от мира сего был А. Д. Седельников. Он был невысок, худ, слабого здоровья, говорил, слегка задыхаясь или заикаясь, был весь погружён в древние рукописи, был не женат, в летнее время ходил в какой-то допотопной крылатке». Цитируется по: [*Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 30].

[3] *Седельников А. Д.* Древняя киевская легенда об апостоле Андрее // Slavia. Ročník III, sešit 2 a 3. Praha, 1924. S. 316—335. Далее в тексте, в круглых скобках, указаны номера страниц этого издания.

сказа, памятникам, в составе которых он сохранился, их соотносительной хронологии.

Задавшись вопросом о происхождении легенды, Седельников пришёл к выводу, что её «первый след содержится» в одном из посланий византийского императора Михаила VII Дуки[4] русскому князю Всеволоду Ярославичу, сыну Ярослава Мудрого[5]. Сославшись на работы В. Г. Васильевского, автор статьи в качестве аргумента пересказал фрагмент письма 1075 года. Обратимся к нему: «Наши государства оба имеют один некий источник и корень… Одно и то же спасительное слово было распространено в обоих… Одни и те же самовидцы божественного таинства и вещатели провозгласили в них слово Евангелия»[6]. «Самовидцы божественного таинства» — это, по мнению исследователя, ученики Христа, свидетели его Воскресения. Седельников замечал, что прямого указания на апостола, посетившего Русь, в послании нет, но есть косвенное, называл упоминание «несколько глухим» (316), но при этом подчёркивал: «Оно несомненно имеет в виду Андрея — единственного, деятельность которого самою греческою традицией относилась и к Византии, и к северному побережью Понта» (316), то есть и к Русской земле. Письмо императора лишь затрагивает древний сюжет и, безусловно, не может являться его источником. С этим учёный соглашался. Откуда же почерпнул сведения об «одних и тех же вещателях» евангельской проповеди Михаил VII Дука? По мысли Седельникова, правитель Византии мог быть знаком с поздним греческим циклом «Деяний» апостола Андрея (VIII — X века), «характерных, сравнительно с более древними, как раз распространением деятельности Андрея на северное побережье Понта» (327). Именно это произведение автор статьи называл источником киевской легенды. Он предполагал также, что обращение Михаила к хожению Андрея на Русь в послании князю оказалось не случайным. Напротив, цель подобной аллюзии была политической: император ратовал

---

[4] Михаил VII Дука (1050 — около 1090), правитель Византии (1071—1078), был известен тем, что изучал риторику и писал стихи.

[5] Всеволод Ярославич (1030—1093), князь переяславский (1054—1073), черниговский (1073—1076), киевский (1076—1077, 1078—1093), принадлежал к числу самых образованных людей своего времени; неслучайно его сын, Владимир Мономах, в «Поучении детям» замечал, что отец, «дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инѣхъ земль». Возможно, именно знание иностранных языков позволило русскому князю вести переписку с византийским императором.

[6] Цитируется по: [*Васильевский В.Г.* Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу // Труды. Том 2. СПб., 1909. С. 11]. (Академик Васильевский известен как основатель русского византиноведения).

за укрепление отношений между Византией и Русской землёй. Седельников писал: «Внушения василевса попали в благодарную среду» (328). В доказательство исследователь приводил «факт построения андреевских церквей при Всеволоде Ярославиче» (328).

В благодатную почву средневековой русской книжности попало и краткое упоминание составителя «Деяний» о проповеди апостола на северных берегах Понта. Сюжет о путешествии Андрея получил развитие и нашёл отражение в различных литературных памятниках. Во-первых, легендарный рассказ читается в начале «Повести временных лет», во-вторых, — в Прологе, в житии святого Андрея Первозванного, и, наконец, — в составе нескольких сборников (начиная с XVI века). Следовательно, выделяются три основные редакции древнего сказания. По мнению учёного, они таковы: 1) *летописная редакция*, 2) *проложная* (пополненная) *редакция*, 3) *редакция сборников* (полная). Науке известны и другие варианты хожения апостола Андрея на Русь, однако Седельников называл их «переделками» и замечал: «Эти поздние версии… баснословны, часто искажают… летописный текст и вообще малозначащи в вопросе о происхождении… легенды» (317)[7].

Проблема генеалогии и соотносительной хронологии трёх редакций, действительно, представлялась медиевисту одной из главных. К её решению Седельников подошёл, применив сравнительно-исторический метод академика А. А. Шахматова. Автор статьи полагал, что летописная редакция старше проложной и приводил целый ряд аргументов. Описание пути из Варяг в Греки, с которого начинается легенда об Андрее, содержится во всех её вариантах. Но его первоначальным источником может быть только ПВЛ: подобное вступление «решительно не отвечает литературному облику Пролога» и, напротив, «вполне в духе географо-этнографических сведений, рассеянных… в пределах “Повести временных лет”» (317—318). Исследователь видел в этом известии средство «приспособления легенды к летописному рассказу» (318), своеобразный «мост», соединяющий разные в жанровом и стилевом отношении фрагменты ПВЛ — сообщение историко-географического характера, по сути ёмкую и точную справку, и христианскую легенду, развёрнутую и во многом символичную. Почему в качестве вступления к

[7] К памятникам, содержащим поздние «переделки» сказания, А.Д. Седельников относил Житие Михаила Клопского (редакцию 1537 года), Степенную книгу, Тверской сборник (летописный), Четьи-Минеи Дмитрия Ростовского, Густынскую летопись, Синопсис и другие литературные источники XVI—XVII вв.

сказанию — очевидного, хорошо различимого в структуре текста «соединительного звена» — летописец использовал описание знаменитого пути из Балтийского моря в Византию? Седельников писал: «Говорить о пути из Варяг в Греки, якобы по поводу племени Полян, понадобилось ни для чего иного, как для мотивировки того, почему ап. Андрей шёл через Русь; действительно, предвосхищая легендарный апостольский маршрут, вступление говорит, что по морю Варяжскому идти можно даже и до Рима, и опять придти в Понт море» (318). Анализ отдельных слов и выражений, а также летописного фрагмента в целом позволил учёному заключить: «Вступление в легенду неразрывно с нею самой… Вся его роль — связывать её с летописным рассказом о племенах… *Летописная редакция является источником проложной*» (318). (Здесь и далее курсив наш — *А. Ж.*) Подобную ситуацию, когда летописная запись первична по отношению к другим произведениям, исследователь считал типичной «для древнейшей литературной поры» и приводил в качестве примера известную триаду — памятники Борисоглебского цикла[8]. Учёный объяснял это «литературными преимуществами» летописания: объёмом, авторитетом и преемственностью (318—319).

Летописное известие в составе Пролога видоизменилось. Прежде всего, речь идёт о взаимном расположении в тексте памятника собственно легенды об Андрее и вступления к ней, описывающего древний маршрут. Седельников установил: если в ПВЛ вступление, выполняя свою прямую функцию, находится непосредственно перед рассказом о путешествии апостола, то в Прологе сказание об Андрее разделяется сообщением о пути из Варяг в Греки на две части. Это можно представить схематично: ПВЛ: Вступление + Легенда × Пролог: Легенда (начало) + Вступление + Легенда (окончание). Исследователь подчёркивал: «Текст легенды явно разорван вступлением к ней же (незначительно урезанным с начала и конца)… Эта перестановка убеждает во вторичности проложной редакции сравнительно с летописной» (319). Действительно, в «Повести временных лет» вступление к легенде играет строго определённую роль — вводит сказание в состав летописи — оказаться на другом месте оно просто не может. В Прологе же, сотканном из отдельных микропроизведений, известие

[8] А.Д. Седельников разделял традиционную точку зрения на соотносительную хронологию произведений, составляющих Борисоглебский цикл: летописный рассказ об убиении Бориса и Глеба → Сказание, и страдание, и похвала мученикам святым Борису и Глебу → Чтение о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба, написанное Нестором.

о пути из Варяг в Греки утрачивает своё значение, а вместе с тем и прежнюю позицию в тексте. Оно здесь в принципе излишне, и книжник механически помещает его в середину легенды. Учёный выделял ещё целый ряд отличий двух редакций. С одной стороны, в проложную версию не был включён сюжет о новгородских банях, выходящий за рамки традиций агиографии, с другой стороны, в финале краткого произведения появились сообщение о смерти апостола и обычная для Пролога похвала святому, которых не было в летописи. Седельников резюмировал: «Анекдотический эпизод… оказался для Пролога неприемлем, и наоборот, заключительная похвала была всецело в духе расширяемого сборника кратких житий — и она была присочинена» (320).

Проложная редакция стала источником для третьей версии христианской легенды об апостоле Андрее, читаемой в составе различных сборников. Рассмотрев один из них (Псковский сборник самого начала XVI века), А. Седельников пришёл к выводу, что найденный им текст отличается от проложного «главным образом прибавками пояснительного характера или же сделанными для вящей торжественности» (320). Похвала святому, добавленная к летописному известию составителем Пролога, в Псковском сборнике оказалось расширенной: «Вместо трёх — целых десять славословий» (320). Кроме того, в конце новой редакции появилось краткое поучение, не знакомое ни «Повести временных лет», ни Прологу, что позволило назвать вариант легенды, представленный в Псковском сборнике, наиболее полным, сравнительно с предшествующими версиями. На основе этих фактов исследователь заключил: «*Зависимость полной редакции от проложной, а не обратная… вне сомнений*» (321). При этом А. Д. Седельников вступил в дискуссию с фольклористом А. В. Марковым, который также изучил различные списки древней легенды и выдвинул прямо противоположную гипотезу.

Концепцию А. Седельникова, связанную с генеалогией сказания о посещении апостолом Руси, можно представить в виде несложной схемы: летописная редакция (краткая) → проложная редакция (пополненная) → редакция сборников (полная). Установив таким образом последовательность возникновения трёх разных вариантов (прежде всего, на основе результатов сравнительного анализа текстов легенды), исследователь обратился к определению времени их появления. И если период формирования редакции сборников был хорошо известен науке — первая четверть XVI ве-

ка, то хронология начальной летописной и промежуточной проложной версий вызывала противоречивые суждения.

Седельников полагал, что *редакция Пролога «тяготеет к первой половине XIII века»* (322). По мнению учёного, на это указывал ряд важных деталей. В Прологе краткого состава (XII в.) легенды об апостоле Андрее нет, а в Прологе пополненного типа (XIII в.) она уже читается. Её обработка «указывает на домонгольское время, когда ещё не были разорены окончательно Киев и его область». Исследователь замечал, что и язык сказания «этого не опровергает» (322). Примером служили эпитеты «благочестивый» и «честной», использованные книжником для создания образа Владимира I. Учёный говорил, что подобные определения (в отличие, например, от слов «святый» или «блаженный») употреблялись по отношению к князю именно до нашествия Орды и добавлял: «Приходится настаивать на тонкостях эпитета в силу идейного смысла статьи, противопоставлявшей «проявление крещения» крещению фактическому» (322).

Время появления легендарного рассказа в «Повести временных лет» также являлось причиной споров. «Была ли, на самом деле, легенда об апостоле Андрее в составе ПВЛ, и даже не в основной редакции… памятника?» (322) А. Д. Седельников ответил на этот вопрос, вступив в полемику с академиком А. А. Шахматовым, включившим древнее сказание в текст Несторовой редакции ПВЛ (1111 г.). Автор «Славии» называл известие о путешествии Андрея «едва ли не очевидной» позднейшей вставкой (322), не разделял точку зрения Шахматова на датировку летописной версии легенды и заключал: «Совершенно ясно её отсутствие в своде 1111 г.» (323) Аргументы Седельникова: а) «осведомлённость составителя» ПВЛ о «небытии на Руси апостолов», б) «собственный комментарий» летописца к «одному из использованных им источников — к Сказанию о грамоте словенской». Нестор, по мысли учёного, «не упускал случая прямо или скрыто высказать мысль, что апостолы на Руси не бывали» (323) и не стал бы противоречить самому себе, помещая в ПВЛ легенду об Андрее Первозванном. Кроме того, в пояснениях к Сказанию о словенской грамоте летописец называл учителем-апостолом славян (следовательно, и Русской земли) Павла, а не Андрея. (Это не значит, однако, что святой Павел бывал на Руси). По мнению Седельникова, две последующие редакции «Повести временных лет» христианского сказания об апостоле Андрее также не содержали: «Тенденциозный пересмотр Несторовой «Повести» игуменом выдубицким Сильвестром (1116 г.) и новая переработ-

ка Сильвестровской редакции (1118 г.) оставляют в полной неприкосновенности как комментарий Нестора к Сказанию о грамоте, так и другие места летописного текста о небытии на Руси апостолов» (323). Исследователь считал, что *легенда об Андрее «вошла... в состав Летописи не позже последней четверти XII века»* (324) *и не раньше 60-ых годов этого столетия*, и указывал на причину, по которой именно в данный период времени понадобилось сделать вставку в древнейший русский летописный свод — «перевес Суздальско-Владимирской Руси» (325). «Там сосредоточивалась государственная власть, там шли хлопоты об учреждении независимой от Киева митрополии, туда из Киевщины переходила церковная святыня, — так учёный-медиевист описал постепенное возвеличивание Владимиро-Суздальских земель и угасание Киева и точно сформулировал предназначение сказания об Андрее Первозванном в подобном историко-политическом контексте. — Литературно защитить Киев, при помощи авторитета «Повести временных лет» — вот... цель летописной обработки легенды» (326). Она была направлена «по адресу... Андрея Боголюбского» — «первого из великих князей, не жившего в Киеве, не признававшего его за столицу, унижавшего его в церковном и государственном отношениях» (326).

Опираясь на выводы Седельникова, подведём краткий итог. Почему сказание об Андрее Первозванном не вошло в состав трёх знаменитых редакций ПВЛ (1111, 1116 и 1118 гг.) и позднейших списков? Нестор полагал, что апостолы никогда не посещали Русь, а учителем славян считал Павла. Кроме того, легенда, по мнению летописца, могла косвенно указывать на «зависимость русской церкви от Византии» (325). Составители летописи стремились подчеркнуть: у славян есть свой апостол — Павел. К тому же, «после 1118 года летописная деятельность в Киеве затихает, продолжается лишь в виде погодной записи, и то ведомой нерегулярно» (324). Каковы причины и предпосылки включения сказания в ПВЛ в последней четверти XII века? «Зависимость русской церкви... от царьградского патриарха» заслонилась внутриполитическими вопросами. В Киево-Печерском монастыре в это время «вспыхнула энергичная литературная работа» (325), связанная с пересмотром многочисленных сводов, что также явилось благоприятным условием для вставки в летопись нового фрагмента.

Определив генеалогию и соотносительную хронологию трёх редакций сказания о посещении Андреем Руси, А. Д. Седельников сравнил летописную обработку легенды с её основным источником —

греческим циклом «Деяний» апостола (VIII—X вв.). Сюжет о путешествии святого по северному побережью Понта прошёл, по мысли учёного, стадию устного развития (при передаче от рассказчика к слушателю), претерпев ряд существенных изменений. Исследователь выделил два мотива, не знакомых «Деяниям», но встречающихся в «Повести временных лет». Во-первых, мотив самоистязания, связанный с описанием новгородских бань, которое, разумеется, также не входило в греческий цикл. Седельников считал, что рассказ о том, «како ся мыють и хвощутся» новгородцы, отражает мысль об их трудной христианизации и хранит следы летописного сказания о палице Перуна. Учёный пересказал его сюжет с опорой на древний источник: «Когда низверженный идол плыл по Волхову, он бросил на великий мост свою палицу. “Ею же ныне безумные убиющеся, утеху творять бесомъ”» (330). Известие о банях и самобичевании новгородцев не вошло и в последующие редакции легенды об Андрее (проложный вариант и версию сборников): оно не отвечало их главной цели — прославлению святого. Во-вторых, летописным дополнением к циклу «Деяний» исследователь называл сообщение о том, что апостол направлялся в Рим, и добавлял: «Мотив этот совершенно чужд как древнейшим, так и поздним сказаниям об Андрее, как принятым в церковном обиходе, так и апокрифическим» (330). Почему апостол — учитель Византии и Руси, православного мира — идёт в католический Рим? Седельников ответил на этот вопрос так: «Факт… диаметрального расхождения с традицией «Деяний» может быть понят лишь в свете борений с греческими корнями легенды». Сопротивляясь византийскому влиянию, летописец направил Андрея не в Царьград, а в Рим, «как в центр деятельности апостолов» (331).

Фрагмент «Повести временных лет», содержащий известие о посещении Андреем Первозванным Руси, о благословении киевских гор, о новгородских банях, хожении в Рим, Седельников сравнивал не только с древними греческими и византийскими источниками, но и с памятниками средневековой европейской литературы. Выводы, к которым пришёл исследователь, заслуживают внимания: «У летописной редакции легенды есть одна любопытная, хотя и поздняя, параллель» (332). Учёный обнаружил её в латинской компиляции XVI века “Livonicae historiae compendiosa series”, написанной католическим священником, пробстом феллинской церкви Дионисием Фабрицием. Обратимся к отрывку «Истории Ливонии», повествующему о жизни монастыря Фалькенау под Дерптом, в пересказе Седельникова: «Монахи жаловались на плохое житьё, сообщали о

том, как скудно они едят и пьют и как подвизаются каждую субботу: натопив «hypocaustum»[9] до того, что едва мог выдержать человек, и раздевшись, бичуют себя прутьями и обливаются холодной водой. Когда папа прислал агента для расследования дела на месте, то его после недельного скудного питания… в субботу повели в баню и стали там парить… Брат-итальянец не выдержал и выскочил из бани… Прибыв в Рим, он передал папе всё на себе самом испытанное, о необыкновенном, аскетическом житии, какое ведут фалькенаусские монахи» (332—333)[10]. Учёный говорил не просто об «удивительной близости» мотивов, но и об очевидном влиянии русской версии, представленной в ПВЛ, на рассказ, включённый в сочинение Дионисия Фабриция. Гипотеза А. Седельникова такова: летописная легенда об апостоле Андрее могла попасть в Ливонию через членов ордена святого Доминика, которые в первой половине XIII века вели свою деятельность на Руси и на Ливонских землях, где её и отыскал Дионисий Фабриций. То, что тот был знаком с текстом сказания, исследователь не подвергал сомнению и приводил различные доказательства. 1) Похожи как сообщения о самоистязании, так и о хожении в Рим, «где узнают о необыкновенном… обычае». 2) «Небытовое чисто, скорее литературно-бытовое происхождение фабрициевской версии», ведь «мытьё в бане воспрещается обычно монастырскими уставами, и трудно думать, чтобы оно являлось здесь бытовым фактом монастырской среды». Это именно *литературная* параллель. 3) «Миссионерство католиков никогда не брезговало литературным подспорьем… Не подлежит сомнению, что легенда об ап. Андрее была в центре внимания миссионеров, а в неприязни к византийскому её облику они должны были сходиться… с южноруссами XII века» (333—334). Вывод: существует «широкая возможность связи ливонского монастырского предания с Киевом» (325).

А. Д. Седельников внёс значимый вклад в изучение древнейшего дошедшего до нас летописного свода — «Повести временных лет» и других произведений средневековой книжности:

— выделил три основные редакции русской легенды об апостоле Андрее (1) краткую летописную, 2) пополненную проложную и 3) полную, представленную в поздних сборниках);

— установил их генеалогию (1→2→3);

---

[9] Hypocaustum (лат.) — парная.

[10] Этот сюжет Дионисий Фабриций взял, по собственному признанию, “из достоверного источника”, который, однако, средневековым автором не называется.

— определил соотносительную хронологию текстов (1) последняя четверть XII века, 2) первая половина XIII века и 3) начало XVI века соответственно); предположил, когда, почему и при каких условиях известие о путешествии Андрея вошло в «Повесть временных лет»; не разделив мнение Шахматова о том, что этот эпизод читался в Несторовой редакции 1111 года, назвал его позднейшей вставкой;

— при помощи сравнительно-исторического анализа трёх вариантов сказания выявил сходства и различия в их структуре; наличие/отсутствие отдельных компонентов легендарного рассказа объяснил разной целевой направленностью памятников, в составе которых он читается (так, например, Пролог призван прославлять добродетели святого — в нём есть похвала, но нет упоминания о новгородских банях; летопись укрепляет авторитет Киева, поэтому содержит ироническое сообщение о новгородцах и т. д.);

— обнаружил литературный источник русской легенды (поздний греческий цикл «Деяний» святого Андрея Первозванного, датированный VIII—X вв.) и обращения к нему в письме византийского императора Михаила VII Дуки князю Всеволоду Ярославичу;

— сравнил «Деяния» с «Повестью временных лет» и нашёл в летописной версии сказания мотивы, не знакомые греческому памятнику (самоистязания и хожения в Рим);

— отыскал параллель с текстом, представленным в ПВЛ, в средневековой европейской литературе («Livonicae historiae compendiosa series» Дионисия Фабриция); доказал, что «Повесть временных лет» была хорошо знакома западным авторам; аргументировал мнение о первичности русской летописи по отношению к произведению Фабриция.

Необходимо сказать и о научной преемственности, нашедшей своё отражение в трудах исследователя. Полемизируя порой с суждениями А. А. Шахматова, Седельников — несмотря на это — активно использовал разработанный академиком метод сравнительно-исторического анализа древних текстов, что позволило прийти к результатам, описанным на страницах «Славии». К слову, статья посвящена «незабвенной памяти акад. А. А. Шахматова», которого автор, без сомнения, считал своим учителем.

Остаётся отметить ещё одну любопытную деталь: у работы А. Седельникова есть подзаголовок пояснительного характера: «Читано 21 марта 1923 года в подсекции древней русской литературы (Научно-исследовательский институт, Москва) и 10 июня 1923 года в Славянской комиссии Московского археологического общества». Почему же учёный выступил с докладами в Москве, а их материа-

лы — под общим названием — издал в Праге?[11] Возможно, публиковать исследования, посвящённые агиографии — житиям святых, христианскому апостолу, черноризцам, истязающим себя во имя веры, церквям, строящимся во славу Господа, крещению Руси и т.п., в 1920-ых годах в СССР стало уже проблематично. А Русская Прага в целом и журнал «Slavia» в частности оставались той филологической площадкой, которая была открыта и для учёных-эмигрантов, и для советских медиевистов — жителей метрополии. Кстати, все поступавшие рукописи редакция «Славии» издавала на языке оригинала, практически без правки. Статья Седельникова, например, напечатана с использованием старой, дореволюционной русской орфографии, что служит поводом для размышлений о том, как позиционировал себя исследователь, к какой научной школе (и шире — к какой эпохе) он относился. Со «Славией» А. Д. Седельников продолжал сотрудничать на протяжении двадцатых годов XX века. Так, в шестом выпуске журнала была опубликована его работа, посвящённая стригольникам[12], в восьмом — статья о проблемах методологии в медиевистике[13], а в девятом — короткая заметка о «Задонщине»[14].

Любопытно, что изучением легенды об Андрее Первозванном занимались ещё два русских учёных, связанных с Чехословакией. В седьмом номере журнала «Byzantinoslavica»[15] (Praha, 1937—1938) свои размышления о древнем сказании опубликовал А. Л. Погодин[16]. Когда и при каких обстоятельствах известие о путешествии апостола вошло в состав «Повести временных лет»? Этот вопрос был главным для исследователя. Происхождением летописного рассказа интересовался и академик А. М. Панченко, выпускник Карлова университета в Праге. Он отрицал, что первые следы легенды находятся в послании

---

[11] В СССР эта статья никогда не публиковалась.

[12] *Седельников А.Д.* Псковские писцы XIV века и фольклор // Slavia. Ročník VI. Praha, 1927.

[13] *Он же.* Несколько проблем по изучению древнерусской литературы. Методологические наблюдения // Slavia. Ročník VIII. Praha, 1929—1930.

[14] *Он же.* Где была написана «Задонщина»? // Slavia. Ročník IX. Praha, 1930.

[15]“Byzantinoslavica” — чешский журнал, в котором публикуются статьи, рецензии и обзоры по византиноведческой тематике, уделяется внимание византийско-славянским отношениям. Материалы печатаются на английском, французском, немецком, русском и итальянском языках. *Милош Вейнгарт* — редактор первых семи тетрадей журнала, вышедших с 1929 по 1938 гг. — готовил к печати второе издание «Повести временных лет» на чешском языке (автор перевода — К.Я. Эрбен). Сейчас «Византинославика» издаётся два раза в год Славянским институтом Чешской АН.

[16] *Погодин А.Л.* Повесть о хождении апостола Андрея в Руси // Byzantinoslavica. VII. Praha, 1937—1938. S. 128—147.

правителя Византии: «Ныне оспорено мнение о том, что якобы «император Михаил VII Дука писал Всеволоду Ярославичу, что одни и те же самовидцы евангельской проповеди провозгласили христианство у обоих народов» (ПВЛ. М.-Л., 1950. Ч. 2. Приложения. С. 218), и что имелся в виду как раз Андрей, — оспорено с вескими основаниями, касающимися и автора, и адресата, и предмета письма»[17]. Панченко стремился объяснить все «тёмные места» сказания. Учёный полагал, что оно «явно распадается на две автономные части — киевскую и новгородскую»[18]. К последней филолог относил сообщение о новгородских парных банях. При этом он тоже обращался к «Истории Ливонии» Дионисия Фабриция и пересказывал фрагмент компиляции о хитрых монахах и обманутом папском после. В своей статье «Летописный рассказ об Андрее Первозванном...» А. М. Панченко не ссылался на работу Седельникова, однако, вполне вероятно, был с нею знаком. Проживая в Праге, в любой из библиотек города он мог читать журнал «Slavia» — настоящую редкость в СССР. Подтверждает это предположение и композиция статьи, изданной в Ленинграде: сначала — размышления об истоках легенды (и скрытая полемика с Васильевским и Седельниковым по поводу писем Михаила VII Дуки), затем — анализ эпизода о банях (и вновь дискуссия: Панченко не видел здесь мотива самоистязания).

Таким образом, статья в журнале «Славия» не осталась незамеченной. Оставил свой след в медиевистике её автор. Продолжая традиции школы Шахматова, А. Д. Седельников сам разработал определённые методы исследования древних памятников (сопоставление текстов, разных в жанровом и стилевом отношении, написанных в различные эпохи; поиск параллелей в иноязычных, латинских и греческих, литературных источниках, средневековых хрониках и компиляциях; привлечение исторического и географического материала и др.). С выводами учёного можно не соглашаться. Однако несомненным остаётся то, что его работа стала примером комплексного, полифункционального анализа фрагмента летописного произведения — образцом для многих филологов.

Отсутствие прямых ссылок на статью Седельникова в трудах советских медиевистов объясняется трагической судьбой сотрудника Исторического музея: десятого февраля 1934 года он был арестован

[17] *Панченко А.М.* Летописный рассказ об Андрее Первозванном и флагелланство // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 174—175.
[18] Там же. С. 175.

по так называемому «Делу славистов»[19] и скончался через три месяца, четвёртого мая, в Бутырском изоляторе Москвы. А в 1937 году в журнале «Византинославика» появилась заметка «Мотив о рае в русском средневековом прении», подписанная А. Д. Седельниковым[20]. Как оказалась она в Праге? Кто переправил работу репрессированного учёного за рубеж? Очевидно, те, кто дорожил памятью о «талантливом, но рано умершем исследователе древней русской литературы»...

Библиография

1. *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-ые годы. М., 1994.

2. *Васильевский В. Г.* Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу // Труды. Том 2. СПб., 1909.

3. *Он же.* Хождение апостола Андрея в страну мирмидонян // Труды. Том 2. СПб., 1909.

4. *Кузьмин А. Г.* Сказание об апостоле Андрее и его место в начальной летописи // Летописи и хроники: 1973. М., 1974.

5. *Лихачёв Д. С.* Текстология. СПб., 2001.

6. *Мюллер Л.* Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и в Новгород // Летописи и хроники: 1973. М., 1974.

7. *Никитин А. Л.* «Хождение» апостола Андрея и путь «из варяг в греки» // Г*ерменетика древнерусской литературы. Сборник 6. М., 1994.*

8. *Панченко А. М.* Летописный рассказ об Андрее Первозванном и флагелланство // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987.

9. Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. 3-е издание. СПб., 2007.

10. *Погодин А. Л.* Повесть о хождении апостола Андрея в Руси // Byzantinoslavica. VII. Praha, 1937—1938.

11. *Робинсон А. Н.* «Маршрут» апостола Андрея // Scando-Slavica. Kopenhagen, 1983.

12. *Седельников А. Д.* Древняя киевская легенда об апостоле Андрее // Slavia. Ročník III, sešit 2 a 3. Praha, 1924.

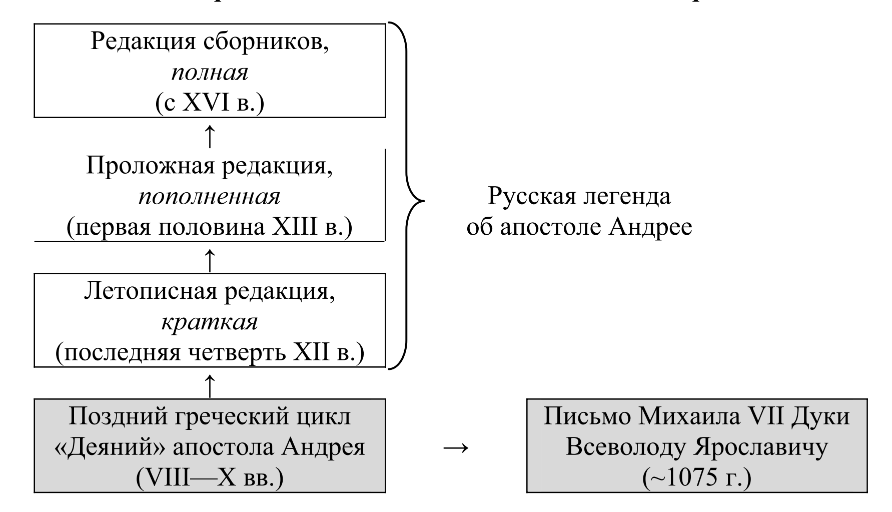
[19] «Дело славистов» (дело «Российской национальной партии») «было сфабриковано Секретно-политическим отделом ОГПУ в конце 1933 — начале 1934 гг. Его жертвами оказались известные учёные и специалисты... музейные работники, краеведы, врачи... Дело было одним из звеньев кампании против старой русской интеллигенции... В 1937—1938 гг. не менее трети осуждённых по делу, ещё находившихся в системе ГУЛАГа, было уничтожено, а несколько человек ещё ранее не выдержали страданий». Цитируется по: [*Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 3]. Жертвами «Дела славистов» стали филологи-медиевисты В.Н. Перетц, Н.Л. Туницкий, В.Ф. Ржига, А.Д. Седельников...

[20] *Седельников А.Д.* Мотив о рае в русском средневековом прении // «Byzantinoslavica». Roč. 7. Praha, 1937—1938.

Приложения

Концепция А. Д. Седельникова

1. Происхождение легенды об апостоле Андрее

2. Структура легенды об апостоле Андрее (сравнительная характеристика трёх редакций)

Памятники / **Элементы композиции**	**ПВЛ** (краткая редакция)	**Пролог** (пополненная редакция)	**Псковский сборник** (полная редакция)
Вступление (описание пути из Варяг в Греки)	+	+ (в середине легенды)	+
Основная часть легенды	+	+	+
Сообщение о новгородских банях	+	—	—
Известие о кончине апостола Андрея	—	+	+
Похвала святому	—	+ (краткая)	+ (расширенная)
Поучение	—	—	+